

АРХИМАНДРИТ АВГУСТИН (НИКИТИН)

Богослов, миссионер

Дмитрий Евгеньевич Никитин родился в 1946 году. В 1969 г. окончил физический факультет Ленинградского университета. В 1971–1975 годах учился в Ленинградской духовной академии; защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Православное учение о примирении между Богом и человеком». 28 октября 1973 года пострижен в монашество с именем Августин, 14 апреля 1974 г. — во иеромонаха. С 1975 года преподаёт в Ленинградской духовной академии сектоведение, историю западных исповеданий, историю древних восточных (нехалкидонских) церквей. С 1980 года — член комиссии Конференции европейских церквей «Ислам в Европе».

С 1991 года — действительный член Российского географического общества. Участвовал во многих паломнических экспедициях, посетил более 80 стран мира. Автор 10 монографий и более 500 статей, посвящённых широкому кругу вопросов. Основная тема исследований — история связей Русской Православной Церкви со странами Запада и Востока.

Мы публикуем главу о Святой земле из книги архимандрита Августина (Никитина), которая готовится к выходу в свет. Это неординарный путеводитель для паломников. Особое внимание уделено местам, связанным с Благовещением, Рождеством, Преображением и Голгофскими страданиями Господними, которые помогают понять онтологическую суть христианства. Есть и малоизвестные сведения о непростой истории иудео-христианско-мусульманских отношений, связанных с такими святынями как Стена плача, базилика Введения во храм Девы Марии (ныне — мечеть Аль-Акса) и мечеть «Купол скалы» (в обиходе — мечеть Омара). Книга также содержит обширные сведения о связях России со Святой землёй и об истории их развития с XII по XX век. Главы «Андреевский флаг у берегов Палестины» и «Русская библейская археология в Палестине» включают описание открытий русских учёных XIX — начала XX века, ныне известных лишь узкому кругу специалистов-палестиноведов. Отправляющимся в паломничество важно знать и о реальной ситуации на Святой земле. Арабо-израильский конфликт вызывает жестокое кровопролитие, многим православным святыням грозит опасность разрушения. Постоянно ухудшается и положение христианских общин на Святой земле. Сегодня численность христианской общины на палестинских территориях насчитывает около полутора процентов населения (50 тысяч человек), на израильских территориях — два процента (100 тысяч человек). А в начале XX века христиане составляли около двадцати процентов населения Святой земли. Однако острота конфликтов на Святой земле никогда не становилась причиной охлаждения к ней христиан всего мира.

ИЕРУСАЛИМ — СВЯТЫНЯ ТРЁХ РЕЛИГИЙ

Храм Соломона

Единственное место на земном шаре, которое от самой глубокой древности освящено поклонением Единому Богу и на которое издревле с благоговением взирали верующие трех религий — иудаисты, христиане и мусульмане, — находится в восточной части Иерусалима.

В конце XI — начале X века до Р. Х. Иерусалим стал столицей древнееврейского государства Израиль, а в 935 году до Р. Х. — столицей Иудейского царства. К этому времени относится подъём строительства в городе: были

возведены новые крепостные стены, дворцовые и культовые здания. Наиболее выдающимся из них был храм, построенный в эпоху царей Давида и Соломона (конец XI века — ок. 928 года до Р. Х.).

Большинство исследователей, следуя сообщению Библии, полагают, что Соломон построил храм на горе Мориа, на том месте, которое его отец Давид купил у Орны Иевусеянина (2 Царств, XXIV, 18, 25; 1 Паралип., XXI, 18–30). Но Давиду не суждено было совершить возведение храма. Он воздвиг на гумне Орны только алтарь Единому Богу и умер, завещав продолжение строительства сыну Соломону.

Соломон начал строить храм почти за 1000 лет до Р. Х. *«И начал Соломон строить дом Господень в Иерусалиме на горе Мориа, которая была указана Давиду, отцу его, на месте, которое приготовил Давид»,* — говорится об этом в Библии (2 Паралип., III, 1).

Работы по строительству храма длились 7 лет (3 Царств, VI, 7; 2 Паралип., 3–4). Храм стал единственным местом поклонения Богу Иегове; *«Я освятит этот дом, построенный тобою, — говорил Господь Соломону, — чтобы имя Моё пребывало там вечно; очи Мои и сердце Моё будут там во все дни»* (3 Царств, IX, 3).

В этот храм был перенесён Ковчег Завета; место, где находилась Святая Святых, было запретным для посещения, и лишь раз в год сюда имел доступ первосвященник.

Дальнейшая история ветхозаветного храма

Впоследствии Иерусалим завоёвывался, разрушался и вновь восстанавливался: вавилонским царём Навуходоносором II, персидским царём Киром, египетским царём Птолемеем, римлянами. Судьбу города разделял и храм Соломона: в 588 году до Р. Х. он был разрушен Навуходоносором. Второй храм, строительство которого было начато по возвращении евреев из вавилонского плена в 524 году до Р. Х., строился в течение 19 лет и впоследствии неоднократно страдал от разрушений. В прежнем великолепии он был восстановлен при палестинском царе Ироде Великом (40–4 годы до Р. Х.). Работы продолжались 46 лет (см.: Иоан., II, 20).

Это место поклонения Единому Богу по-прежнему считалось доступным только богоизбранному народу Израиля; как сообщали Иосиф Флавий и Тацит, надписи на греческом и латинском языках предупреждали чужеземцев не вступать на территорию храма.

В последней четверти XIX века французский археолог Клермон-Ганно открыл близ места, занимаемого в прошлом ветхозаветным храмом, камень с греческой надписью. Текст её гласит: *«...никакой иноплеменник не имеет доступа внутрь ограды и каменной стены вокруг храма. Кто будет застигнут в нарушении этого правила, пусть сам несёт ответственность за смертную казнь, которая за это следует»* [Библейский словарь 1980: 483].

Главные ворота храма были на восточной стороне; кроме того, трое ворот были на севере, трое — на юге. Первая часть двора носила название

двора для женщин, откуда переходили во двор для мужчин. Затем следовал третий — для священнослужителей. Он заключал в себе жертвенный алтарь и Святую Святых. Таков был храм во время правления Ирода и ко времени рождения Иисуса Христа.

Ветхозаветный храм в евангельские времена

Согласно древнему общехристианскому преданию, Богоотроковица Мария была введена в храм первосвященником. Многие церковные писатели свидетельствуют, что Пресвятая Дева после введения её во храм оставалась до своего обручения в самом храме, где особая часть здания была предназначена для жительства женщинам и девам, посвятившим себя служению Богу, подобно Анне Пророчице, *«которая не отходила от храма, постом и молитвой служба Богу день и ночь»* (Лк., II, 37). Впоследствии христиане назвали возведённый на этом месте храм церковью Введения во храм Пресвятой Богородицы. Здесь старец Симеон принял от Пресвятой Девы Младенца Иисуса и возгласил: *«Ныне отпускаешь раба твоего, Владыко, по слову Твоему, с миром»* (Лк., II, 29). Здесь Учитель мира наставлял народ, толковал Священное Писание, Он назвал этот храм домом Отца Своего; из двора этого храма Он изгнал торгующих (Иоан., II, 13–25). Именно здесь Он похвалил усердие бедной вдовы (Лк., XXI, 1–4). Здесь совершилось то событие, о котором повествует евангелист Матфей: *«Потом берет Его диавол в святой город и поставляет Его на крыле храма, и говорит Богу: если Ты Сын Божий, бросься вниз, ибо написано: Ангелам Своим заповедал о Тебе, и на руках понесут Тебя, да не преткнешься о камень ногою Твоею. Иисус сказал ему: написано также: не искушай Господа Бога Твоего»* (Мф., IV, 5–7).

Об этом событии упоминает один из паломников, посетивший Иерусалим в 333 году. В его «Хождении» — самом древнем паломническом описании Святой земли — упоминается о месте развалин храма Соломонова. Как отмечал этот паломник, прибывший в Иерусалим из Бордо (ныне — Южная Франция), он видел там «угол весьма высокой башни, на которую Господь взошёл, и сказал Ему искушавший Его: Если Ты Сын Божий, бросься вниз. И отвечал ему Господь: не искушай Господа Бога Твоего и Ему одному служи» [Бордосский путник 1882: 25].

По древним сказаниям, в юго-восточной части храмового двора лежал огромный камень, приготовленный для строительства, но по какой-то причине не вошедший в стену и в течение веков остававшийся «неключимым изгнанником из числа избранных». Именно этот камень, говорит предание, имел в виду Спаситель в своих словах о камне, «пренебреженном жидущими» (Мк., XII, 10). Католические писатели добавляли, что этот краеугольный камень имел в виду Спаситель и в обращении к апостолу Петру: *«Ты Петр, и на сем камне созижду церковь Мою»*. В местных арабских сказаниях есть также упоминание о каком-то забытом камне, вопившем

к небу о мщении на пренебрёгших его зиждителей [Олесницкий 1875 (т. 1): 80–89].

И наконец, с этим храмом связаны самые страшные моменты в земной жизни Спасителя, когда здесь завеса церковная *«раздралась»* с верхнего края до нижнего, когда совершилось искупление мира (Лк., XXIII, 45).

Ученики и последователи Господа также имели прямое отношение к ветхозаветному храму. Об этом говорится в книге Деяний Апостольских, где сообщается о том, что *«Петр и Иоанн шли вместе в храм в час молитвы девятый»* (Деян., 3, 1); со ступеней храма апостол Павел обратился к народу с речью (Деян., 21, 40).

Разрушение иерусалимского храма (70 год по Р. Х.). Стена плача

Пророчество Спасителя о разрушении храма (Мф., XXIV, 2; Лк., XXI, 6; Мр., XII, 2) сбылось вскоре после Его крестной смерти: в ходе Иудейской войны (66–73) Иерусалим был разорён войсками римского императора Тита Флавия (41–81); храм Соломона в 70 году также был разрушен, и к настоящему времени от него сохранилась только часть наружной ограды, то есть Стена плача.

Такое место, как место храма Иеговы, не могло быть забыто после разрушения ветхозаветного святилища. Известность этого места заставила императора Адриана (117–138) через пятьдесят лет построить здесь из развалин храма Ирода языческий храм Юпитера. Внутри этого храма Адриан распорядился поставить свою статую.

В начале IV века при императоре Константине Иерусалим стал христианским священным городом, и языческий храм Юпитера был разрушен. Но в 363 году при императоре Юлиане-богоотступнике евреям было разрешено начать восстановление храма Соломона на его древнем месте. Указ Юлиана, разрешавший евреям сооружение храма, был дан рабби Гиллелу. Но после того как был открыт древний фундамент и на нём положены первые камни, сильное землетрясение сбросило их с места, а строители в страхе разбежались (согласно сведениям *«Церковной истории»* Руфина Аквилейского).

Потомки царя Давида не исчезли после разрушения Иерусалима римлянами: до XII века просуществовал пост «экзиларха» («главы изгнания») — светского лидера вавилонской еврейской общины, который по традиции занимал прямой потомок царя Давида; известный пражский каббалист XVI века Лива Бен Бецалель считался, а возможно, и являлся потомком царя Давида. И сейчас многие именитые еврейские семьи прослеживают свою родословную от царя Давида.

В юго-западной части территории, занимаемой некогда иерусалимским храмом, находится Стена плача. Плач евреев у подножия разрушенного храма Соломона начался ещё с древних времен. Как сообщал в 333 году бордосский паломник, недалеко от разрушенного храма находился «пробитый камень», к которому раз в год «приходят иудеи, помазывают его, с воплем

рыдают, разрывают свои одежды и затем удаляются» [Бордосский путник 1882: 27]. О разрешении иудеям посещать место бывшего храма в день разрушения его Титом, упоминает и блаж. Иероним в толковании на пророка Софонию (гл. 1, ст. 15). По словам блаж. Иеронима, когда Иерусалим уже был обращён в Элию Капитолину, евреи со всех концов мира собирались на своё древнее пепелище и ценой золота добивались позволения «плакать на развалинах храма». Этот обычай сохранялся в течение многих веков; во времена крестоносцев христианские авторы часто упоминали о «месте плача евреев при западной стене»; об этом обычае в 1163 году сообщал Вениамин Тудельский [Смышляев 1877: 118].

Один из русских паломников так описывал во второй половине XIX века своё посещение Стены плача: «Любопытно видеть здесь, вечером в пятницу, толпы детей Израиля, закутанных в белые саваны и прильнувших лбами к этой святыне. Они собираются сюда молиться, читать „Плач Иеремии“ и, в буквальном смысле, орошать слезами драгоценные для них камни» [Смышляев 1877: 118].

И наконец, обобщая сказанное, можно привести слова ещё одного русского автора. «„Избранному народу Божию“, признававшему когда-то человеком только еврея, презиравшему, как нечистую тварь, все племена и народы, не познавшие закона Моисеева, теперь, будто в насмешку, достался смиренный удел лобызать во рву подножие турецкой мечети и видеть торжество Христа в том самом городе фарисеев и первосвященников, который казнил Его, как разбойника, в обществе разбойников», — писал об этом отечественный публицист Е. Л. Марков, побывавший в Иерусалиме в конце XIX столетия [Марков 1891: 137].

Аль-Акса — «мечеть удалённойшая»

В VI веке на месте древнего иерусалимского храма была возведена церковь Марии, которая впоследствии получила название церкви Введения Богородицы во храм [Берг 1863]. Но в 638 году арабские войска под предводительством халифа Омара (634–644) взяли Иерусалим, и Омар принял капитуляцию города, совершив затем молитву на заброшенном каменистом пустыре, в который превратились развалины священного храма Соломона. Этим Омар хотел подчеркнуть преемственный характер ислама по отношению к предшествующим исламу религиям — иудаизму и христианству.

Зарождающееся учение ислама дало надежду евреям, что наконец явился мессия, — надежду, в которой им вскоре пришлось разочароваться. Как известно, находясь в Медине, основатель ислама Мухаммед встретился здесь с враждой еврейской части населения. Он попытался сблизиться с евреями, принимая некоторые их обряды и догматы и делая Иерусалим киблой — местом, к которому верующий обращает лицо во время молитвы. Но евреи отвергли его учение, и тогда он признал за главную святыню не Иерусалим, а мекканский храм Каабу, и после 622 года — времени переселения из Мекки в Медину (хиджра) — Мухаммед повелел своим последо-

вателям обращаться на молитве не к Иерусалиму, а к Мекке. Об этом ясно говорится во 2-й суре Корана: «Поверни же лицо своё в сторону запретной мечети [Каабы — *а. А.*]. И где бы вы ни были, обращайтесь ваши лица в её сторону» (2, 139).

И хотя Иерусалим в Коране в связи с этим не упоминается, из его текста видно, что раньше предписывалось обращаться во время молитвы в иную сторону: «Мы сделали киблу, которой ты держался, только для того чтобы Нам узнать, кто следует за посланником среди обращающихся вспять» (2, 138) [Бартольд 1922].

Вскоре после завоевания Иерусалима арабы превратили базилику Введения Богородицы во храм в мечеть, которая впоследствии стала называться аль-масджид аль-Акса (мечеть удалённой). Ещё через несколько десятилетий значение Иерусалима снова возросло; халиф Абд ал-Малик I (685–707) в ходе борьбы со своими мекканскими противниками запретил мусульманам посещать Мекку и предписал совершать хадж в Иерусалим. Дело в том, что во время совершения хаджа в Мекку местный правитель Ибн-аз-Зубейр заставлял паломников-мусульман давать ему присягу, и Абд ал-Малик принял против этого решительные меры. Но верующие были недовольны этим, и как повествует арабский историк Ал-Мекин (ум. в 1273), «в 65 году хиджры [687/688 — *а. А.*] Абд ал-Малик послал в Иерусалим приказание увеличить месджид ал-Аксу и предписал народу совершать хадж в Иерусалим» [Медников 1897: 548].

Постепенно Иерусалим сделался третьим по значению (после Мекки и Медины) религиозным центром всего исламского мира, и мечеть аль-Акса стала рассматриваться как величайшая мусульманская святыня. В большой степени этому способствовало мусульманское предание — сунна; это собрание устных рассказов о Мухаммеде (хадисов) сформировалось постепенно и приняло окончательный вид в IX веке. Дело в том, что в Коране имеется краткое упоминание о «ночном путешествии» Мухаммеда; 17-я сура так и называется: «Перенёс ночью». В первом стихе этой суры говорится: «Хвала тому, кто перенёс ночью Своего раба из мечети неприкосновенной в мечеть отдалённую, вокруг которой Мы благословили, чтобы показать ему из наших знамений» (17, 1).

Первоначально под «отдалённой мечетью» (аль-масджид аль-Акса) понимались небеса, куда Мухаммед якобы был вознесён однажды ночью. С конца VII века складывается традиция рассматривать это путешествие как «ночное путешествие» Мухаммеда в Иерусалим, отличая его от последующего вознесения Мухаммеда на небеса. Согласно преданию, Мухаммед спал около Каабы, когда к нему явился архангел Джibriл (Гавриил) с крылатым конём Бураком. В сопровождении Джibriла Мухаммед отправился на Бураке в Палестину. В Иерусалиме он встретил Ибрахима (Авраама), Мусу (Моисея) и Ису (Иисуса) и руководил их совместной молитвой.

Среди мусульманских комментаторов Корана имеется и другое мнение, согласно которому это «ночное путешествие» было только видением, о чём упоминается в той же 17-й суре: «Видение, которое Мы дали тебе узреть, служило только к тому, чтобы испытать людей» (17, 62). Как свидетельствовал в начале XX века авторитетный исламовед А. Е. Крымский, «до сих пор между мусульманами существует разногласие насчёт того, считать ли это событие за видение (как указывает Коран), или за путешествие действительное и телесное» [Крымский 1903: 166].

Поэтому вполне понятно, что мусульмане отождествили «отдалённейшую мечеть» (аль-масджид аль-Акса), упоминаемую в Коране, с иерусалимской, которая стала называться аль-Акса. По преданию, именно сюда Мухаммед был якобы чудесным образом перенесён на Бураке перед вознесением (мираджем) на небо. И в XI веке арабский писатель Насир-и-Хосров (ум. в 1088), определил религиозное значение Иерусалима для мусульман следующим образом: «Это место — третий дом Божий. Учёные богословы признают, что каждый намаз, сотворённый в Иерусалиме, равняется 25 тысячам намазов» [Медников 1897: 872].

Куббат-ас-Сахра (мечеть «Купол скалы»)

С преданием о ночном путешествии Мухаммеда из Мекки в Иерусалим тесно связано сказание о мирадже — вознесении Мухаммеда на небо. По этим представлениям, после ночного путешествия в Иерусалим Мухаммед был вознесён Джибрилом (Гавриилом) на небеса.

Местом поклонения, связанным с вознесением Мухаммеда, стала скала, находящаяся вблизи мечети аль-Акса. Именно здесь в 687–691 годах омейядский халиф Абд ал-Малик ибн Мерван построил восьмигранное здание мечети с большим куполом. Эта мечеть получила название Куббат-ас-Сахра («Купол скалы»).

Причиной, побудившей халифа начать строительство мечети, явилось политическое соперничество с мекканским правителем, о чём речь шла выше. Как сообщает арабский историк Ал-Якуби (ум. в 904), Абд ал-Малик, запретив своим подданным совершать хадж в Мекку, сказал: «Иерусалимская мечеть [аль-Акса — *a. A.*] заменит вам мечеть меккскую, а эта скала (ас-Сахра), про которую передают, что посол Божий, поднимаясь на небо, ступил на неё, заменит вам Каабу» [Медников 1897: 872]. И, как продолжает другой арабский историк Абу-л-Махасин-ибн-Тагриберди (ум. в 1469), халиф Абд ал-Малик «построил купол над ас-Сахрой и соборную мечеть аль-Аксу, чтобы благодаря этим зданиям заменить народу хадж» [Медников 1897: 872].

Следует отметить, что Куббат-ас-Сахру часто называют мечетью Омара, ошибочно полагая, что она возведена в 637 году во время правления этого халифа. Впрочем, с именем Омара действительно связаны события, имевшие отношение к истории этой мечети. Как повествует предание, в 636 году халиф Омар-бен-эль-Хаттаб, взяв Иерусалим,

обратился к тогдашнему иерусалимскому патриарху Софронию с просьбой указать ему на священнейшее место в городе для сооружения на нём мусульманского святилища. Омар потребовал, чтобы патриарх, в благодарность за оставление храма Гроба Господня его пастве, назначил наиболее достойное место для построения мечети. Патриарх показал ему несколько священных мест на Сионе и Акре, но халиф оставался недоволен. Тогда патриарх сказал: «Я покажу тебе место, лежащее на середине мира, на котором была Святая Святых израильтян и на котором Бог явился Иакову», — и повёл халифа к развалинам храма Соломона.

Халиф, осмотрев это место, согласился определить его для будущего мусульманского храма. Первоначально построенная здесь мечеть Омара вмещала в своих стенах 3 000 человек.

В 686 году халиф Абд ал-Малик в связи с постоянным притоком пилигримов-мусульман в Иерусалим задумал постройку новой мечети на этом месте — восьмиугольной в плане. Построенное вскоре после этого святилище считалось чудом света, и редкий богомолец, идущий в Мекку, не заходил посмотреть мечеть «Купол скалы» [Олесницкий 1875 (т. 1): 118].

Формы здания мечети необычны. Деревянный купол (20,44 м в диаметре) покоится на высоком барабане, прорезанном 16 окнами; барабан стоит на 4 пилонах и 12 колоннах, окружающих скалу. Внешние стены образуют восьмиугольник со стороной около 20,6 м. Покатая деревянная, крытая свинцом кровля опирается на систему из 8 промежуточных пилонов и 16 колонн. Таким образом обеспечен ритуальный ход паломников вокруг скалы.

Мечеть «Купол скалы» стоит среди большой площади Харам аш-Шариф, слегка трапецеидального плана (450 x 260 x 285 м), куда ведут 10 ворот. Вокруг Купола Скалы огорожено меньшее пространство тех же очертаний (160 x 125 x 150 м). По мусульманскому учению харам — это священная, заповедная территория, где нельзя проливать кровь и носить оружие. Мечети аль-Акса и «Купол скалы» расположены именно в таком месте. Но не всегда этот запрет соблюдался даже в среде мусульман. Когда турецкий эмир Атсиз-ибн-Аук ал-Хаваризми в 1068 году напал на Иерусалим, то, как сообщает багдадский историк Ибн-ал-Асир (ум. в 1233), «жители Иерусалима укрылись от него за стенами города. Он перебил многих жителей его, даже тех, которые укрылись в месджид ал-Аксе, но не тронул тех, которые были у ас-Сахры и пределов её» [Медников 1897: 523].

Мечеть Куббат-ас-Сахра — Храм Господень

Дальнейшая история мечети «Купол скалы» связана с рядом разрушений и перестроек. Лёгкая конструкция мечети не могла противостоять частым землетрясениям и не один раз разрушалась. Но иерусалимские правители при каждом возобновлении мечети увеличивали её величелие. Большие повреждения мечеть получила в 1060 году, когда упала крыша здания с 500

люстрами; по этому случаю мусульмане ожидали несчастий для всех последователей ислама. Эти опасения сбылись в 1099 году, когда мечеть «Купол скалы» обагрилась кровью мусульман, пролитой крестоносцами.

В 1099 году крестоносцы штурмом взяли Иерусалим; было образовано христианское Иерусалимское королевство. Поражённые величием мечети «Купол скалы», крестоносцы, овладевшие Иерусалимом, считали её сначала подлинным ветхозаветным храмом и называли храмом Соломона, или храмом Господним — «Templum Domini». По имени храма был назван и основанный в 1119 году орден рыцарей-монахов (тамплиеров), обитель которых была первоначально устроена возле храма.

Крестоносцы ничего не изменили в устройстве мечети и ограничились тем, что на почитавшейся мусульманами скале поставили христианский алтарь, а стены расписали христианскими сюжетами. Скала была покрыта мрамором, в виде возвышенной площади или пола, на котором стоял алтарь и хоры. В третий день Пасхи 1136 года папский легат Альберих совершил торжественное освящение бывшей мечети в качестве христианской церкви. Хронист Иоанн Вюрцбургский, видевший мечеть «Купол скалы» преобразованной в христианский храм, сообщал о многих надписях на стенах храма, — ими крестоносцы напоминали молящимся о тех новозаветных событиях, которые совершались на этом месте или вблизи него.

В этот храм трёхлетняя отроковица Мария была принесена Богу, о чём гласила надпись:

Virginibus septem virgo comitata puellis
 Servitura Dei fuit oblata triennis
 (Дева, сопровождаемая семью юными девами, была принесена
 здесь для служения Богу в возрасте трёх лет).

Без сомнения, Дева получила здесь небесные утешения:

Pascitur angelico virgo ministerio
 (Дева охраняется ангельским попечением).

Из притвора этого храма Иисус Христос изгнал торгующих. В память об этом событии на правой стороне храма показывали камень, освящённый стопами Спасителя, окружённый множеством лампад. К этому камню присоединяли другой, на который Иисус Христос был принесён во храм в первый раз, как на алтарь. Картина, изображавшая это событие, имела надпись:

Hic fuit oblatus Rex regum virgine natus
 Qua propter sanctus locus est hic jure vocatus
 (Здесь был принесён [в Жертву] Царь царствующих,
 рождённый от Девы, из-за чего это место по праву
 именуется святым).

Близ этого храма Иисус Христос оправдал блудницу, сказав её обвинителям: «кто без греха, тот пусть первый бросит в неё камень». На изображавшей этот эпизод картине имелась надпись:

Absolvo gentes sua crimina corde fatentes
(Я освобождаю [от грехов] народы, исповедующие сердцем грехи свои).

Сюда входил и отсюда выходил Захария, когда ему было возвещено о рождении сына. Надпись при этом изображении говорила:

Ne timeas Zacharia exaudito est oratio tua
(Не бойся, Захария, услышана молитва твоя).

Над четырьмя воротами храма с наружной стороны были особые надписи. На западных:

Pax aeterna ab aeterno Patre sit huic domui
Benedicta gloria Domini de loco sancto suo
(Вечный мир от вечного Отца да будет этому дому.
Благословенна слава Господа о святом месте сем).

На южных вратах:

Bene fundata est domus Domini supra firmam petram
Beati qui habitant in domo tua, in saecula saeculorum laudabunt te
(Дом Господень построен хорошо на прочном камне;
блаженны которые обитают в доме Твоём,
во веки веков они восхваляют Тебя).

На восточных:

Vere Dominus est in loco isto et ego nesciebam
In domo tua Domine omnes dicent gloriam
(Воистину Господь присутствует в месте сем.
В доме твоём, Господи, все будут славословить [Тебя]).

На северных:

Templum Domini sanctum est
Dei cultura est, Dei aedificatio est
(Храм Господень свят, это место Божье, это дом Божий)
[Олесницкий 1875 (т. 1): 120–121].

Интересно отметить, что этот храм видел один из первых русских паломников — игумен Даниил, совершивший хождение в Святую землю в 1106–1108 годах, когда она ещё была под властью крестоносцев. Вот как он описывает храм Господень — бывшую мечеть «Купол скалы», которую он называет её ветхозаветным именем — Святая Святых. «Есть церковь Святая Святых дивно и хитро создана, — пишет русский паломник, — и красота её несказанна есть, кругла образом создана; извну написана хитро и несказанна, стены ей избьены досками мраморными другого мрамора и помащена есть красно мраморными досками. Столпов же имать

под верхом, кругом стоящих, облых 12, а зданных столпов 8; двери же имать 4-рь; медию позлащеною покованы суть двери ты. И верх исписан издну мусиею [художником — а. А.] хитро и несказанно, а звну, верх побиеен есть был медию позлащеною» [Даниил 1881: 29–30].

В 1187 году, когда султан Салах-ад-Дин вытеснил крестоносцев из Иерусалима, золотой крест был снят с храма Господня и снова был поставлен полумесяц; христианские надписи уничтожены, а стены омыты розовой водой, доставленной сюда на пятистах верблюдах. В 1229 году германский император Фридрих II, вернувший на короткое время Иерусалим под свою власть, заключил с султаном Камалом договор, по которому христиане и мусульмане должны были совместно владеть мечетью «Купол скалы», и в храме была поставлена символическая статуя общего братства. Но это продолжалось недолго, и около 1250 года мусульмане снова безраздельно завладели мечетью и перестроили её. По свидетельствам XV века, мечеть «Купол скалы» своей красотой привлекала многие тысячи паломников и путешественников [Олесницкий 1875: 121; Муравьёв 1844: 187–188].

Мечеть аль-Акса — храм Соломона

Как уже было отмечено, в VI веке мечеть аль-Акса была христианской церковью Введения Богоматери во храм. Крестоносцы снова превратили её в христианскую церковь. Иерусалимский король Балдуин II (ум. в 1131) отдал часть храмового здания тамплиерам, которые вскоре построили ещё и длинную галерею, примыкавшую к храму с запада. Крестоносцы имели здесь королевскую резиденцию, называвшуюся «Соломонов двор». Аль-Акса стала главным центром тамплиеров. Их постройки теснились около этой церкви, и аль-Акса носила тогда название «Храм Соломона».

Эта древняя христианская базилика, несмотря на многочисленные перестройки, в основном сохранила свой первоначальный византийский характер. Об этом писал известный русский общественный деятель, учёный и путешественник А. С. Норов, сравнивший эту древнюю базилику с построенной в конце IV века церковью св. Павла в Риме. Норов вспоминал о своём посещении мечети аль-Акса в 1835 году: «мы направились к большому зданию, выкрашенному красным цветом; оно выстроено параллелограммом, с куполом на его оконечности. Это бывший христианский храм во имя Пресвятой Богородицы <...>. Вступив в это торжественное здание через крытый притвор, я думал, что нахожусь в церкви св. Павла за стенами Рима» [Норов 1854: 286–287].

По словам другого русского исследователя, побывавшего в мечети аль-Акса в середине XIX века, «следуя по храму, вы замечаете повсюду византийский характер здания. Оно имеет 7 крестовых ходов или нефов. Центральный неф поддерживается массивными мраморными столбами, по 6-ти с каждой стороны; капители этих столбов несколько напоминают коринфские» [Берг 1863: 106]. О первоначальном христианском характере

архитектуры мечети аль-Акса свидетельствовал и Е. Л. Марков. По его словам, «готический стиль фронтона и длинного величественного нефа этой церкви, поддержанного двумя рядами колонн, вполне сохранился и теперь. Ислам только расписал внутренность христианского храма обычной парчой своих пёстрых арабесок» [Марков 1891: 151].

Харам аш-Шариф в эпоху Османской империи (1517–1917)

В 1250 году династию Айюбидов, основанную в Египте Салах-ад-Дином, сменили мамлюки. В 1516 году под Халебом (совр. Алеппо, Сирия) войско очередного мамлюкского султана было разбито армией турецкого султана Селима I. Территория Палестины вошла в состав Турецкой империи, и это продолжалось до конца Первой мировой войны. Сирией стали управлять турецкие паши, и в 1516 году Палестина вошла в состав Дамасского пашалыка.

В результате турецко-египетской войны 1831–1833 годов египетская армия под командованием Ибрагим-паши распространила египетское господство на Палестину. Благотворные перемены ощутили в первую очередь те христиане, которые жили в Иерусалиме. Ранее они подвергались здесь многочисленным поборам со стороны местных мусульманских властей. Так, например, тогдашний дамасский паша с одного только греческого монастыря в Иерусалиме «взимал тысячу мешков (около 120 тысяч рублей серебром) в год за право владения святыми местами» [Базили 1962: 88].

При вступлении в Иерусалим Ибрагим-паши во главе египетского гарнизона в 1831 году был обнародован его приказ на имя главного судьи — шейха мечети «Купол скалы». «В Иерусалиме есть храмы, монастыри и поклонения, к коим приходят все христианские и еврейские народы разных исповеданий из стран далёких, — говорилось в приказе. — Сии поклонники бывали доселе обременяемы огромными налогами в исполнении обетов и обязанностей их веры. Желая искоренить подобное злоупотребление, повелеваем уничтожить подобные налоги на всех путях без изъятия» [Базили 1962: 139–140].

Но, демонстрируя свою веротерпимость, Ибрагим-паша, как и его отец, правитель Египта Мухаммед-Али, не учёл всех последствий своих смелых начинаний. Как писал русский исследователь в середине XIX века, «вместо того чтобы ограничиться мудрым укрощением фанатизма народного, паша бесполезно оскорбил самое религиозное чувство народа. Многим европейским путешественникам было позволено в Иерусалиме посетить Омарову мечеть [мечеть «Купол скалы» — *а. А.*], которая почитается вторым святилищем в исламе после храма Мекки. Ничто не могло произвести более соблазна в фанатическом народонаселении Иерусалима. Старые служители Омаровой мечети рыдали над этим осквернением, не слыханным дотоле в мусульманском мире, и каждый раз при посещении мечети

иностранцами местные власти должны были окружать себя и посетителей военной командой» [Базили 1962: 140].

Это обстоятельство, связанное с иерусалимскими святынями ислама, явилось одной из немаловажных причин быстрого ослабления египетской власти при 70-тысячной армии Ибрагима в 1840 году. В конце 1840 года египетская армия вынуждена была эвакуироваться из Палестины и других областей, входивших в состав Османской Порты. По условиям Лондонского трактата 1840 года Палестина вновь была передана турецкому правительству.

Как явствует из приведённых свидетельств, в первой половине XIX века мусульмане, жившие в Иерусалиме, по-прежнему проявляли религиозную нетерпимость к иноверцам, и в первую очередь — к христианам. Это было отголоском эпохи крестовых походов, о чём красноречиво говорит русский паломник, побывавший в Иерусалиме в середине XIX столетия. По его словам, «в пятницу городские ворота Иерусалима запирались около полудня, когда мухаммедане иерусалимские толпами стекаются для общей молитвы в бывший храм Соломона, преобразованный в их главную мечеть; на это же время все городские выезды запираются, и даже привратники отходят от своих мест» [Адлерберг 1853: 182].

Далее автор приводит такое объяснение этой традиции: «...между жителями существует старинное предание, что когда-нибудь в пятницу, во время всеобщей молитвы народной, неожиданно подойдут к стенам Иерусалима многочисленные толпы вооружённых гяуров (иноверных, как они называют христиан), которые, нахлынув со всех сторон, завладеют городом и, устремясь на главную мечеть, древний храм Соломона, наполненную погружёнными в молитву жителями, огнём и мечом уничтожат поклонников Мухаммеда» [Адлерберг 1853: 186].

Ещё одно любопытное объяснение бытовавшей в то время религиозной нетерпимости мусульман к иноверцам приводилось в одном из русских альманахов. Упомянув о том, что немусульманам под страхом смерти запрещено было входить на площадь Харам аш-Шариф и посещать мечети аль-Акса и Куббат-ас-Сахра, автор пишет далее: «Это место так свято, — говорят они [мусульмане — *а. А.*], — что всякая молитва, там произнесённая, должна быть необходимо внята Богом, и, следовательно, очень важно удалять от этого места христиан, которые не преминули бы молиться о падении магометан, об изгнании их из Иерусалима и т. п.» [Мечеть Эль-Гарам 1838: 235].

В то время христианско-мусульманские отношения оставались в целом напряжёнными. Но тем не менее успехи, которых добились европейские страны и Россия в борьбе с Османской Портой, усилили влияние христианских держав на Ближнем Востоке. Как писал в эти годы А. А. Олесницкий, профессор Киевской духовной академии, «стечение магометанских пилигримов в Иерусалим почти не уступает количеству пилигримов христианских; здесь можно встретить пилигримов магометанских из Сибири,

Индии, Марокко; редкий пилигрим, идущий в Мекку, не будет в Хараме иерусалимском» [Олесницкий 1875 (т. 1): 53].

Во второй половине XIX столетия ряд влиятельных христианских держав открыли свои миссии в Иерусалиме; приток христиан-паломников в Святую землю заметно увеличивался. Всё это не могло не вызвать озабоченности у мусульманского духовенства Иерусалима, которое изыскивало средства для того, чтобы оградить последователей ислама от излишнего общения с христианами. Об одном таком способе сообщал русский исследователь Е. Э. Картавцев, побывавший в Иерусалиме в конце 1880-х — начале 1890-х годов. По его словам, в эти годы уже сложилась традиция массового паломничества с перенесением знамён халифа Омара на могилу пророка Моисея (Мусы), почитаемого мусульманами после Мухаммеда и Иисуса Христа (Исы). Как известно из Библии, Моисей никогда не был в Палестине и после смерти был «погребён на долине в земле Моавитской против Беф-Фегора, и никто не знает места погребения его даже до сего дня» (Второзак., 34, 6). Тем не менее местом его погребения была объявлена одна из возвышенностей, «верстах в 35 от Иерусалима». Далее следует предоставить слово автору записок.

«И время и место, — пишет Е. Э. Картавцев, — выбраны с тонким расчётом; время подогнано к тому моменту, когда в Иерусалиме скопится особенно много христиан-паломников, так что одной громадной фанатической массе могла быть противопоставлена другая, не меньшая; если бы обе эти массы оставались одна возле другой, то столкновения и кровопролитие сделались бы, может быть, неминуемы; это избегнуто тем, что в пятницу на Вербной неделе священные знамена выносятся из мечети Омара и, сопровождаемые массой народа, мусульманским духовенством, направляются к могиле Моисея, где усердные поклонники пророка располагаются лагерем и проводят несколько дней. Таким образом, своим временем это паломничество к могиле Моисея совпадает с днём торжественного богослужения христиан и избегает столкновений» [Картавцев 1892: 23].

Европейские христиане у мусульманских святынь Иерусалима

Для того чтобы более полно представить картину христианско-мусульманских отношений в Святом граде, можно привести отрывки из воспоминаний паломников-христиан, описывавших наряду с христианскими святынями и мусульманские.

«А в полуденном угле [Иерусалима. — а. А.] стоит церковь чудна и высока вельми, по-еврейски зовется Ероя, а по-русски „Святая Святых“, — писал московский священник Иоанн Лукьянов, побывавший в Иерусалиме в январе 1711 года. — А церковь Святая Святых создание Соломоново, разорена вся до основания Титом, царём римским <...> ныне на том месте стоят две мечети турецкие изрядные; а турки отнюдь не пустят посмотреть, убивают того или потурчат» [Лукьянов 1863: 323–324].

В следующем, XIX столетии, казалось бы, ничего не изменилось, если прочесть строки, написанные другим русским паломником в 1840-х годах. «У входа в мечеть Омара, — пишет он, — стояли вооружённые привратники, не дозволившие нам даже остановиться перед ним [храмом. — *а. А.*]: христианину под смертной казнью воспрещён вход в эту мечеть, если он не согласится для спасения настоящей своей жизни погубить будущую отречением от Христа и принятием мухаммеданского закона» [Адлерберг 1853: 232–233].

Но уже в это время происходили некоторые небольшие улучшения в сфере христианско-мусульманских отношений и, в частности, уменьшилась религиозная нетерпимость. Как отмечал уже упоминавшийся здесь А. С. Норов, «сказывают, что Бурхард, знаменитый путешественник и ориенталист, сроднившийся с восточными обычаями до такой степени, что был признан арабами за шейха, посещал мечеть Омарову; госпожа Бельзони, переодетая в мусульманское платье, в 1818 году, быстро пробежала часть мечети Омаровой, волнуемая страхом, и всё, что сказала об ней, также совершенно неверно» [Норов 1854: 271].

Сам Норов был, по-видимому, первым русским паломником со времени игумена Даниила, которому в 1835 году довелось посетить обе мечети, расположенные в ограде Харам аш-Шариф. Вот его свидетельство: «Я имел случай осмотреть обе мечети, находящиеся в ограде храма Соломонова: Омарову (эль-Сахру) и другую — называемую эль-Акса, которая обращена в мечеть из древней церкви Введения во храм Пресвятой Богородицы» [Норов 1854: 272].

А. С. Норову удалось получить от сирийского паши письменное разрешение на вход в «мечеть Омарову», но во избежание возможных инцидентов Норова и его спутников «просили несколько скрыть европейский костюм под восточной одеждой». «Никогда не было примера такого почти официального дозволения, и без сомнения мы одолжены за этот успех могущественному действию имени русских», — с удовлетворением отмечал путешественник [Норов 1854: 275].

Интересна была реакция привратника мечети, простого мусульманина, который был далёк от новых веяний в расстановке сил на ближневосточной арене. По этому поводу Норов заметил: «привратник глядел на нас с удивлением, но, видя с нами каваса, он вошёл с ним в переговор, продолжившийся несколько минут; по его мимике мы видели, что он представлял затруднения; но это кончилось тем, что мы, оставя в воротах туфли, вступили на мраморный помост обширного двора» [Норов 1854: 276].

Таким образом, А. С. Норову и его спутникам была предоставлена редкая по тем временам возможность спокойно, без риска для жизни осмотреть обе знаменитые иерусалимские мечети, и благодаря этому русский исследователь смог составить подробное и обстоятельное описание внутреннего вида мечетей Куббат-ас-Сахра и аль-Акса [Норов 1854: 277].

После Крымской кампании (1853–1856) позиции европейских держав на Ближнем Востоке ещё более усилились, и это в свою очередь привело к облегчению доступа христиан на территорию Харам-аш-Шарифа. Об этом писал в своей книге Н. В. Берг: «в 1862 году я видел, как по двору мечети разгуливал свободно, без всяких провожатых, граф Вогюэ, известный исследователь древностей Палестины. Он работал в мечети Омара так же смело, как бы в Ватикане. Ныне можно видеть хромолитографические рисунки таинственной мечети во многих эстампных магазинах Петербурга» [Берг 1863: 93].

Интересно отметить, что А. С. Норову, о котором шла речь выше, в 1861 году снова удалось посетить Иерусалим и побывать в Харам-аш-Шарифе. «В 1835 году, — вспоминал русский путешественник, — я был из того весьма малого числа европейцев, которым удалось видеть внутренность заповедных мечетей ас-Сахра и аль-Акса. Моё посещение было тогда сопряжено с опасностями, а теперь, заплатив 20 полуимпериалов, я был свободно допущен обозреть в большом обществе не только обе мечети, но и подземельные построения горы Мориа, которые я тогда не мог видеть» [Норов 1878: 23].

Известный исследователь Пермского края Д. Смышляев, посетивший Иерусалим в 1864–1865 годах и побывавший в обеих знаменитых мечетях, уже деловито отмечает, что «взойдя по лестнице, посетитель обязан заменить свою обувь бабушами» [Смышляев 1877: 109]. А игумен Гуслицкого монастыря иеромонах Парфений ещё через пять лет столкнулся в Иерусалиме с тем, что «нынче каждую неделю ходит по монастырям турецкий кавас и приглашает в Омарову мечеть, только с каждого берут по 6 пиастров, т. е. по русскому двугривенному» [Парфений 1872: 179].

В 1874 году профессор А. А. Олесницкий отправился на Ближний Восток с научными целями. Для него уже не было проблемой посетить Харам аш-Шариф, и он провёл довольно долгое время внутри каждой из двух мечетей, результатом чего явилось опубликованное им впоследствии монументальное исследование под названием «Ветхозаветный храм в Иерусалиме» (СПб., 1889).

Возвращаясь к истории ближневосточного региона, можно упомянуть о том, что в последней четверти XIX столетия на Ближнем Востоке начали укрепляться позиции Германии, несмотря на то что сферы влияния в этом регионе были уже разделены между Францией и Великобританией. Как известно, Германия стремилась стать союзницей Оттоманской Порты. Осенью 1898 года кайзер Вильгельм II посетил Иерусалим и Дамаск, где осмотрел не только христианские, но и мусульманские святыни [Луцкий 1965: 287]. 21 октября, находясь в Иерусалиме, немецкий кайзер посетил мечети аль-Акса и Куббат-ас-Сахра. Обе святыни были отремонтированы к приезду высокого гостя. «Великолепные изразцы, украшающие стены мечети, вычищены и блестят как новые. Внутри всё подновлено, вызолочено», — сообщалось по этому поводу в русской печати [СППО 1899: 685].

Христианство и ислам в Иерусалиме

Все перечисленные факты свидетельствуют о том, что в основе христианско-мусульманских конфликтов лежал «человеческий фактор», и по мере развития взаимоотношений проблема со временем теряла свою остроту и актуальность.

В связи с этим интересно хотя бы кратко обобщить те вероисповедные моменты, которые сближают христиан и мусульман в их почитании Иисуса Христа и Божией Матери.

Во-первых, можно вспомнить о том, что сам Мухаммед велел сохранить в мекканской Каабе изображение Марии с Богомладенцем, которое оставалось там до пожара 683 года [Воронина 1965: 121]. Можно также отметить, что арабы-мусульмане, вторгшиеся в Палестину в VII веке, поначалу проявляли веротерпимость к христианам и иудеям, которые в Коране названы «людьми [обладателями. — *а. А.*] Писания», то есть Божественного Откровения.

Почитание Иисуса Христа сохранялось среди мусульман и во времена Средневековья, несмотря на резкое ухудшение их отношения к христианам, которое было связано с событиями крестовых походов. Паломник-христианин из Мюнхена Иоганн Шильтбергер, путешествовавший по Ближнему Востоку в конце XIV — первой четверти XV века, свидетельствовал об этом. По его словам, «мусульмане говорят, что Авраам был друг Божий, Моисей — пророк Божий, Иисус — Слово Божие и Мухаммед — вестник Божий. Вообще они ставят Иисуса в число четырёх главных пророков и считают Его высшим возле Бога, так что все люди будут Им судимы в последний день» [Шильтбергер 1866: 101].

Сходные мысли выражал и А. С. Норов при посещении иерусалимской мечети почти через четыре столетия, в 1835 году. «Мусульмане называют Спасителя пророком Исой, и замечательно, что дают Ему особенное название Рухул-лах, т. е. Дух Божий, — сообщает русский учёный. — Пресвятая Богородица именуется у них, как у христиан, Мариам; они ставят её выше всех женщин в мире; признают бесплотное зачатие Иисуса; говорят, что только один Иисус и Мария безгрешны; признают главные события жизни Спасителя, но говорят, что Бог не попустил Его распятия; имеют также понятие о Евангелии, называя его Енжиль и считая его данным от Бога Иисусу» [Норов 1854: 289].

Говоря об «отдалённой мечети», арабский историк ал-Масуди (ум. в 956) писал об общности почитания этого храма как мусульманами, так и христианами. «Соломон первый построил Бейт-ал-Макдис [священный дом. — *а. А.*], т. е. ту месджид-аль-Аксу, окрестности которой благословил Бог. <...> В глазах христиан это главная церковь в Иерусалиме, где у них есть ещё церкви», — отмечал этот автор [Медников 1897: 310].

Приведённое сообщение дополняет бенедиктинский монах из Монтекасино Пётр Диакон (XI в.), который, повествуя о святых местах

Иерусалима, отмечает, что мусульмане почитают имеющиеся там реликвии, связанные с Богомладенцем. Сначала он говорит про «храм Господень, выстроенный Соломоном»: «Посреди храма есть большая гора, обнесённая стенами, где была скиния, а в ней Кивот Завета, перенесённый, по разрушении храма, императором Веспасианом в Рим» (это сообщение остаётся на совести автора). «Недалеко, — продолжает Пётр Диакон, — построен храм Соломона, в котором он обитал. <...> Внизу неподалёку колыбель Христа, его купель и ложе Пресвятой Богородицы. Ниже храма Господня к востоку находятся красивые ворота, в которые вошёл Господь, сидя на жребяти осли; тут и Пётр исцелил хромого».

И снова можно привести сообщение средневекового арабского летописца, ещё раз подтверждающего древность исламской традиции почитания Иисуса Христа. Насири-Хосроу (ум. в 1088) говорит о подземной мечети при восточной стене Харам аш-Шарифа: «Здесь помещается колыбель Иисуса. Она каменная и настолько велика, что в ней люди творят намаз. Я там сотворил намаз. Колыбель настолько прочно прикреплена к полу, что является неподвижной. В этой колыбели лежал Иисус, будучи ребёнком, и разговаривал с людьми. В этой мечети колыбель заменяет михраб [ниша, указывающая направление молитвы. — а. А.]; в этой же мечети при восточной стороне её есть михраб Марии. Там есть ещё другой михраб, михраб Захарии. При этих михрабах написаны те стихи Корана, в которых речь идёт о Марии и о Захарии. <...> Эта мечеть известна под именем Мегд-Иса [«Колыбель Иисуса». — а. А.]. В ней висит большое количество медных и серебряных ламп, которые горят всю ночь» [Медников 1897: 862].

Конечно, можно усомниться в подлинности этой «каменной колыбели» Богомладенца, но в данном случае важно свидетельство о глубоком почитании, которое оказывали и оказывают мусульмане Тому, Чьим именем называют себя христиане. О мнимой колыбели Иисуса, сохраняемой мусульманами в течение многих столетий, сообщал и А. С. Норов. «В юго-восточном углу площади [Харам аш-Шариф. — а. А.] находится глубокая квадратная комната, освещённая оконцем, выходящим в Кедрскую долину. В этой комнате мусульмане с глубоким благоговением сохраняют в нише под навесом так называемую колыбель Иисуса Христа, иссечённую из камня и более походящую на ванну или на саркофаг» [Норов 1878: 25].

Эта пещера, о которой упоминали многие христианские и мусульманские авторы, находится вблизи мечети аль-Акса, где приверженцы обеих религий также могли поклониться общей для них святыне. Впервые в русской паломнической литературе об этом упомянул А. С. Норов. Описывая внутренний вид мечети аль-Акса, он особое внимание обратил на алтарную часть бывшей церкви Введения Богородицы во храм. «Там, где должен быть алтарь, — отмечал Норов, — стоит теперь из резного дерева мусульманская кафедра, а за её перегородкой видны, в крайней стене, две ниши. На помосте первой ниши, которая на правой стороне, напечатлён на простом камне

след одной стопы человеческой; а на помосте второй — след двух стоп. Первая, одинокая стопа, есть след Иисуса, перенесённый сюда с вершины горы Элеонской, где остался другой отпечаток Божественной стопы. Другие два следа оставлены на земле, как сказывают мусульмане, Пресвятой Девой Марией. Я пал ниц и облобызал обе святыни» [Норов 1854: 288].

Сходным образом о мечети аль-Акса пишет и Е. Л. Марков, отмечая, что не только для мусульман, но и для христиан тут тоже «место многих достопамятных событий Евангелия <...>. Здесь жила отроковицей Пречистая Дева, посвящённая Богу, и путешественникам до сих пор показывают в нише нижней пещеры место её девственных ночлегов» [Марков 1891: 149]. «Это тоже очень чтимая мусульманская мечеть, она носит имя, упоминаемое в Коране, — продолжает автор, подчёркивая при этом: ...христианских и библейских воспоминаний в ней более, чем магометанских <...>. Особая мраморная ниша около главного михраба знаменует собой место, где молился Христос и где показывается в мраморной плите отпечаток ступни Его <...>. В другой такой же нише — сидение первосвященника Захарии» [Марков 1891: 151].

Такой же святыней для христиан является и мечеть Куббат-ас-Сахра, внутри которой, недалеко от скалы, есть спуск, где, по преданию, Богородица в 40-й день по рождении Христа и принесла двух голубей в очистительную жертву.

«Должно заметить, — писал Норов, — что надпись из Корана, сделанная золотыми буквами по голубому полю, которая опоясывает ротонду купола ас-Сахра, содержит в себе всё, что относится до Иисуса Христа, как то: „Иисус есть сын Марии, посланник Божий, Его слово, Бог вочеловечил Его в Марии, Он Его дуновение“. Мечеть ас-Сахра построена византийскими зодчими. Весьма любопытно замечание, сделанное графом Вогюэ, что многие мозаики, украшающие стены, выражают приблизительно головы херувимов. Обязанные соотноситься с требованиями мусульман, которые не допускают изображений человеческих, греческие художники из цветочных рисунков и арабесок умели составить очерки, напоминающие о святости места, попранного неверными. Виноград и колосья — эмблемы Евхаристии — вплетены в цветочные листья, распростёртые, как крылья» [Норов 1878: 25].

И наконец, подводя итог сказанному, можно предоставить слово известному русскому публицисту В. Дорошевичу, который наиболее полно обобщил наблюдения своих предшественников, относящиеся к рассматриваемой теме. «На этой площади, на которой возвышался храм, тот храм, где принял на руки Младенца Христа Симеон, где Отрок Христос беседовал с учёными о Писании, где Христос проповедовал, где Он изгонял торгующих, — всё полно и поныне памятью о Христе <...>. Узорные золотые надписи из Корана на голубой эмали мечети Омара — стихи из Корана, говорящие о Мессии, Иисусе, Сыне Марии <...>. Обходя с муллой эту площадь, вы на каждом шагу услышите имя — „Христос“. Эта возвышенная

площадка, всегда служившая для поклонения Богу, залита лучами Его славы. И память о Нём сохранилась здесь, как тихий луч заката долго ещё дрожит на вершине горы» [Дорошевич 1900: 158].

Так выразил свои впечатления русский писатель-паломник на стыке XIX и XX веков. И трудно было в то время предполагать, что добрые взаимоотношения, налаживавшиеся между жившими в Палестине приверженцами трех великих религий, вскоре будут омрачены из-за изменившейся политической ситуации.

(Начало. Окончание в следующем номере.)

- Адлерберг 1853 — *Адлерберг Н. В.* Из Рима в Иерусалим. СПб., 1853.
 Базили 1962 — *Базили К. М.* Сирия и Палестина под турецким владычеством. М., 1962.
 Бартольд 1922 — *Бартольд В.* Ориентировка первых мусульманских мечетей. // Ежегодник Российского института истории искусств. Пг., 1922. Т. 1. Вып. 2. С.113–144.
 Берг 1863 — *Берг Н. В.* Путеводитель по Иерусалиму и его ближайшим окрестностям. СПб., 1863.
 Библейский словарь 1980 — Библейский словарь. Торонто, 1980.
 Бордосский путник 1882 — Бордосский путник 333 г. / Предисл. В. Н. Хитрово // Православный Палестинский сборник. 1882. Т. I. Вып. 2. С. III–VI, 1–47.
 Воронина 1965 — *Воронина В. А.* Ислам и изобразительное искусство // Народы Азии и Африки. 1965. № 5.
 Даниил 1881 — Житие и хождение Даниила, русския земли игумена // Православный Палестинский сборник. Т. 1. Вып. 3. 1881.
 Дорошевич 1900 — *Дорошевич В. М.* В земле обетованной (Палестина). М., 1900.
 Картавцев 1892 — *Картавцев Е. Э.* По Египту и Палестине. СПб., 1892.
 Крымский 1903 — *Крымский А. Е.* История мусульманства. М., 1903.
 Лукьянов 1863 — Путешествие в Святую землю священника Иоанна Лукьянова // Русский архив. М., 1863.
 Луцкий 1965 — *Луцкий В. Б.* Новая история арабских стран. М., 1965.
 Марков 1891 — *Марков Е. Л.* Путешествие по Святой земле. СПб., 1891.
 Медников 1897 — *Медников Н. А.* Палестина от завоевания до крестовых походов по арабским источникам // Православный Палестинский сборник. 1897. Т. 17. Вып. 2.
 Мечеть Эль-Гарам 1838 — Мечеть Эль-Гарам в Иерусалиме // Художественная газета. 1838. № 7.
 Муравьев 1844 — *Муравьев А. Н.* История святого града Иерусалима. СПб., 1844. Т. 2. С. 187–188.
 Норов 1854 — *Норов А. С.* Путешествие по Святой земле в 1835 году. СПб., 1854. Ч. 1. С. 286–287.
 Норов 1878 — *Норов А. С.* Иерусалим и Синай. Записки второго путешествия на Восток. СПб., 1878.
 Олесницкий 1875 — *Олесницкий А. А.* Святая земля. Киев, 1875. Т. 1.
 Парфений 1872 — Вторичное странствование во святой град Иерусалим в 1870–71 гг. игумена Гуслицкого монастыря иеромонаха Парфения // Душеполезное чтение. 1872. Июнь.
 Смышляев 1877 — *Смышляев Д. Д.* Синай и Палестина. Пермь, 1877.
 СППО — Сообщения Православного Палестинского общества. 1899. Декабрь.
 Шильтбергер 1866 — Путешествия Ивана Шильтбергера по Европе, Азии и Африке с 1394 по 1427 г. Одесса, 1866.